

На следующее утро Флер пробудилась от нежного тепла Гарри, прижавшегося к ней. Они лежали, обращенные друг к другу, его голова покоилась на ее груди, пока он спал, их руки сплелись, а ноги перепутались в нежном узле. Флер почувствовала себя участницей маггловской игры "Твистер", где каждый дюйм тела занят. Глядя на его лицо, она отметила полное отсутствие тревоги, обычно посещавшей его во сне. Днем он почти всегда был напряжен, то ли от природной неуверенности в обществе, то ли от забот, глодавших его мысли, — но сейчас он был спокоен, как безмятежное озеро. Это приятно напомнило ей утро после разговора с отцом о его затруднительном положении. Гарри еще не знал об этом, но фотография, где они с Габриель спали на диване, уже украшала камин их дома. Она тепло улыбнулась, наблюдая за ним, и не смогла удержаться от ласкового прикосновения. Его волосы, хоть и всегда были в легком беспорядке, как они выяснили во время подготовки к свадьбе, были мягкими, как шелк, и ей нравилось их ощущать. Еще больше он любил, когда она играла с ними, так что это было идеальным компромиссом. Жаль только, что в их отношениях ему не хватало комфорта, чтобы делать то же самое с ней. Флер чувствовала, что со временем это произойдет, но на это потребуется время. Сначала ему нужно было преодолеть многие глубоко сидящие страхи, и, надеюсь, визит к целителю разума летом в какой-то степени поможет в этом. Через несколько минут он слегка шевельнулся под ее рукой, и его глаза наконец-то открылись. Она увидела в них замешательство: это была его первая ночь с ней в школе, и он был очень удивлен, оказавшись здесь. Однако все быстро прояснилось, и на его лице расцвела ее любимая улыбка. — Доброе утро, — прошептал он. — Бонжур, — улыбнулась она, целуя его в лоб. Гарри долго смотрел ей в глаза, прежде чем его рука нашла путь к ее лицу, кончики пальцев осторожно прощупали и слегка коснулись ее щеки. Утреннее время, пока он еще не проснулся, было самым уязвимым, каким она когда-либо видела его, и, возможно, когда-либо увидит. Он еще не успел возвести свои обычные барьеры, и ничто не могло помешать ему и заставить их подняться, он был открытой книгой. — Я мог бы привыкнуть к этому, — тихо прошептал он, его голос все еще звучал сонно. — Я думаю... — Он сделал паузу и тяжело сглотнул. — Мне кажется, я влюбляюсь в тебя. У Флер перехватило дыхание. Это было не маленькое признание, и оно исходило прямо из его сердца. Правда, он все еще находился наполовину во сне и едва осознавал, что говорит, но то, что он вообще это сказал, было поразительно. Он был не из тех, кто распускает свои эмоции или говорит такие глубокие слова, не имея их в виду. На ее глаза навернулась счастливая слеза, и она тепло улыбнулась ему. — Я тебя тоже люблю, дорогая, — прошептала она в ответ. Флер прильнула к нему и поцеловала его, и по мере того, как он просыпался, это вскоре переросло в нежные, неуверенные занятия любовью. Он все еще был очень нервным в отношении физической близости — он не проявлял инициативы, и она сомневалась, что он будет проявлять ее еще долгое время, — но она принимала то, что он давал. А то, что он давал, было настолько полно эмоций, что ей было абсолютно все равно, если бы это никогда не изменилось. После этого они отдыхали, наверное, полчаса, но, к сожалению, сегодня у них была школа, а предыдущий день они оба пропустили из-за вмешательства Дамблдора в их жизнь. Им нужно было вставать, но ей не хотелось двигаться. Его присутствие было комфортом, к которому она легко привыкла. — Пора, — наконец вздохнул он. — Я бы очень хотел, чтобы нам не нужно было уходить. — Oui, — ответила она хриплым голосом, — но всегда есть вечер, mon amour. Гарри покраснел от этого предложения — его было легко заставить это сделать — и его улыбка порадовала ее. Фоукса снова забрали по дороге к выходу, и они провожали завистливыми взглядами учеников Боксбатона, которые стояли в ожидании своей директрисы. Флер уже давно перестала так поступать: простая просьба Максима — и она вольна приходить и уходить, когда ей заблагорассудится. Она недоумевала, почему остальные до этого не додумались. Не успели они войти в Большой зал, как она поняла, что это будет еще одно долгое утро. Дамблдор, как всегда, восседал на своем троне, и его ястребиный взгляд устремился на них, как только они вошли. Она знала, что свадьба привлечет его внимание, но это было просто смешно! Он просто не мог оставить Гарри в покое, и его расчетливое выражение лица не предвещало ничего

хорошего. Но поскольку они ничего не могли с этим поделать, они просто сели за стол и принялись за еду. Вскоре Флер поняла, почему Гарри так любит Фоукса. Феникс был на редкость забавным, и даже просто наблюдать за тем, как он перепрыгивает с тарелки на тарелку и ворует кусочки еды, было истинным удовольствием. Он никогда не мешал, но и не стеснялся нагрубить, если ему что-то было нужно. Обычно это что-то отвлекало кого-то от мыслей или просто вызывало улыбку на лице и не имело ничего общего с тем, что он брал. Но она тоже заметила, что он избегал младшего Уизли, как чумы. Однако она быстро забыла о нем, когда к ним подошел другой Уизли. После свадьбы гнев исчез из глаз Джинни, а ее ревность была приглушена до сносного уровня, но Флер не была уверена, что произойдет. Присутствие девушки заставляло ее нервничать: не потому, что она боялась ее, а потому, что не хотела, чтобы ее доброе утро было испорчено. — Не возражаете, если я присоединюсь к вам? — спросила она. Гарри согласительно пожал плечами, что было в его манере. — Конечно, — кивнул он. Вскоре стало ясно, почему она решила присоединиться к ним именно сегодня. Не задумываясь, она посмотрела на феникса, который перетягивал канат с Фредом из-за куска бекона. — Привет, Фоукс, — сказала она с улыбкой. — Давно не виделись, не так ли? Услышав ее голос, Фоукс резко отпустил бекон, заставив Фреда надуться, и подскочил чуть ближе к Джинни. Флер внимательно наблюдала, как он изучает ее: фениксы были отличными судьями по характеру. Никто не знал наверняка, но считалось, что они используют некую форму легилименции и могут читать намерения человека. Наконец, к облегчению Флер, он поприветствовал ее и поцеловал протянутую руку. Джинни улыбнулась. — Больше никаких тайных палат для меня, — сказала она ему, протягивая руку и почесывая его шею, — но ты можешь приходить в гости в любое время. Фоукс дружески подтолкнул ее клювом и резко повернулся, чтобы посмотреть на Джорджа, который собирался схватить хвостовое перо. Близнецы, к удивлению всех, прекрасно уживались с огненной птицей. Их безобидные подколы друг другу, полные детской хитрости, были настоящим зрелищем. Забавные перепалки, словно искры, летели из уст одного близнеца к другому, отражаясь в глазах Фоукса, который, казалось, искренне наслаждался этим представлением. Вряд ли Дамблдор подозревал о любви птицы к подобным шалостям. — Думаю, — прошептала она, — ему бы не понравилась эта игра.